

САЗЕРНА И ЕГО ФРАГМЕНТЫ

М. Е. Сергеенко

Давно уже прошли те времена, когда хозяйство древней Италии рассматривалось как нечто единое и однообразное на протяжении всего полуострова. Современная историческая наука весьма интересуется особенностями хозяйственного уклада и характером аграрных отношений в их местном, краевом аспекте. К сожалению, материал, которым мы располагаем, далеко не достаточен для того, чтобы произвести сельскохозяйственное районирование древней Италии с той полнотой и ясностью, каких бы нам хотелось. Наши сведения досадно фрагментарны, и только для некоторых областей мы располагаем данными, более или менее полными. Относительно хорошо мы знакомы, благодаря книге Катона, большому количеству замечаний у Плиния и богатому археологическому материалу, с хозяйством Кампании. Для Лациума в 1 в. н. э. кое-что дает Колумелла. Богатым материалом располагаем мы для истории сельского хозяйства в долине р. По: в нашем распоряжении имеются сведения, которые охватывают промежуток времени больше, чем в двести лет, последовательно сменяясь в произведениях Полибия, Страбона и Плиния.

Но если мы перейдем от чисто сельскохозяйственных вопросов о том, что сеяли и что сажали, кого разводили и выкармливали, к вопросу о людях, которые этим делом занимались, к вопросу о тех отношениях, в которых они друг к другу стояли, то положение наше станет совсем затруднительным. Мы довольно хорошо осведомлены о рабах, живших и работавших в имениях крупного землевладельца, но что знаем мы о свободном итальянском крестьянине? В каких отношениях стоит он к своему богатому соседу? И всюду ли по Италии эти отношения одинаковы? Так ли жил пизенский крестьянин, как умбрийский или апулийский? Если мы не пожелаем ограничиться совершенно справедливыми, но слишком общими замечаниями о притеснении бедных людей богатыми, то окажется, конкретного материала у нас угнетающе мало. Поэтому сведения из этой области так драгоценны, — в особенности те, которые можно уверенно вдвинуть в определенную географическую рамку. С этой точки зрения отрывки из сочинения Сазерна, сельскохозяйственного писателя второй половины II в. до н. э., приобретают особенное значение, и остается только удивляться, что никто из историков, ни наших, ни западных, до сих пор ими не воспользовался. А между тем Сазерна заслуживает внимания и сам по себе, а его отрывки, при всей их скудости, проливают достаточно света на сельскохозяйственные отношения, существовавшие в долине По во II в. до н. э.

Древность оставила о нем свидетельств мало, и биография его безнадежно невосстановима. Варрон случайно упомянул, что ему принадлежало имение в долине По; Сазерны происходили из рода Гостилиев, связанного, вероятно, с городом Гостилией (и поныне Ostilia), лежавшим на левом берегу По к ю.-в. от Вероны. Самое имя Сазерны свидетельствует об этруском происхождении: по всей вероятности, мы имеем в лице его представителя старинного, богатого и влиятельного рода. Время жизни нашего Сазерны можно установить, хотя об определенных годах и говорить нечего: он был моложе Катона и старше Скрофы, т. е. он стоит на рубеже II и I вв. н. э., захватывая, по всей вероятности, последние десятилетия II в. и начало I. Он был крупным землевладельцем, оставившим после себя книгу по сельскому хозяйству, изданную, как принято думать, его сыном. Характеристику этой книги дает Варрон, и он же, вместе с Колумеллой, сохранил из нее несколько (всего 17) небольших отрывков, чаще в пересказе, чем в дословной передаче. Вот и весь наш документальный материал о Сазерне.

Он принадлежит к числу старозаветных писателей, вроде Катона, которые писали, имея в виду, главным образом, собственные имения, делали свои заметки прежде всего для себя и для своих близких и отнюдь не подозревали, что, вычисляя количество рабочей силы или описывая форму виноградного чубука, они занимаются научной работой—обстоятельство, обязывающее писать по определенному плану и в строгой системе. Ближайшие поколения подошли к его книге с едким осуждением и высокомерной критикой. Современники Цицерона и Варрона, стремившиеся к созданию национальной науки и философии, желали и в сочинениях по сельскому хозяйству иметь научный трактат, стройный, разрабатывающий строго определенный круг вопросов. Теорию такого агрономического трактата с обоснованием ее дал Варрон, попутно вдоволь натешившись над своим предшественником, который спокойно писал в «Земледелии» о том, чем можно сводить волосы или как морить клопов (Varro, гл. 1, 2, 12—28). Позднейшее время оказалось и снисходительнее и справедливее: в I в. н. э., когда вопрос о научной форме агрономического сочинения утратил остроту, к Сазерне отнеслись с почтительным уважением. Плиний уже не помнил уверений Варрона, что Скрофа презирал книгу Сазерны: он объединил их вместе как «старейших после Катона и опытейших сельскохозяйственных писателей» (Pl., NH, 17, 199). Колумелла, бывший сам превосходным хозяином, отмечает, как характерную особенность Сазерны, богатство его агрономических знаний и опыта: (1, 1, 12). Действительно, через два века после его смерти, его советы не утратили своей авторитетности и оказывались иногда наилучшими.

Утеря Сазернова «Земледелия» чувствительна не только для историка древнего Рима. Сколько поверий, местных обычаев, заговоров и народных средств—«чудес», по презрительному замечанию Варрона, должно было находиться в этой, вероятно, увлекательнейшей для этнографа книге. Сазерна свято хранил в душе старинную темную веру в магическую власть слова, соединенного с определенным действием, в заговор, в приворот, в таинственную колдовскую силу некоторых существ, например, жабы (Varro, г. г. 1, 2, 27—28; 2, 9, 6). Все это прекрасно уживалось с умом ясным, пронизательным и острым. Он хорошо знал людей, обладал тонкой наблюдательностью и умел облекать свои наблюдения в слова, выразительные, как пословица. Вспомним его лаконическую характеристику крупного арендатора, который «платит хозяину вместо денег тяжбой». Этот человек не только умел наблюдать: он умел—что гораздо реже—глядеть в глаза правде и—что уже вовсе редко—склоняться перед ее силой «без тнева и упреков». Он понимал иллюзорность всех попыток улучшения

рабского труда: деловито и невозмутимо признает он, что раб выполняет свое дело почти в полтора раза медленнее, чем следовало бы, и спокойно относит его нерадивость к числу таких же неизбежных явлений, как болезнь и плохая погода (Varro, r. r. 1, 18, 2). Превосходное хозяйство, которое рисовалось Колумелле, опиралось, между прочим, на работающего, преданного раба. Действительность показала всю фантастичность подобных проектов. Сазерна спокойно исходил из ситуации, поправить которую считал невозможным, и, приравниваясь к ней, старался вести хозяйство наилучшим образом. Хозяином, надо думать, он был превосходным: тут у него были и свои мысли и свой путь. В области виноградарства, например, он выступил новатором, революционной смелости которого почти три века спустя изумлялся Плиний. Ему не страшно было идти наперекор хозяйственным обычаям целого края: собственные наблюдения и размышления значили для него гораздо больше, чем единодушно признанная, от предков принятая и свято—с италийским и деревенским консерватизмом—соблюдаемая традиция. Недаром его так ценил Колумелла, тоже человек новой и смелой мысли; надо сказать, что в виноградарском хозяйстве Сазерна пошел тем путем, который современная наука о виноградарстве единогласно признала правильным.

Сельским хозяйством и домостроительством не исчерпывались все интересы Сазерны. Он был широко образованным человеком: мы знаем, например, что он читал астронома Гиппарха, следовательно, знал греческий язык (Col., I, 1, 5). Сельское хозяйство было, однако, самым его любимым занятием, и он видел в нем не только источник дохода: для него оно было сопряжено с некими душевными и эстетическими эмоциями. Мирный деревенский пейзаж имел для него неотразимую прелесть: прочтя у Гиппарха о будущем изменении климата, он сразу вообразил, как снежные вершины, которые он ежедневно видел из своей усадьбы, покроются виноградными лозами и маслинами, —и эта способность мечтать и фантазировать дополняет облик этого человека такой неожиданной и трогательной чертой.

Как ни интересен сам по себе Сазерна— и всем своим обликом и своей незаурядной образованностью, но еще важнее значение его фрагментов как документа для хозяйственной истории Цисальпинской Галлии. Сазерна предлагает нам совершенно конкретный материал, по данным которого мы получаем возможность восстановить—хотя бы и очень фрагментарно—картину сельскохозяйственной жизни в Цисальпинской Галлии времен нашего автора.

Отрывки Сазерны распадаются (не считая всего, что относится к домоводству и медицине) на три отдела: организация хозяйства, полеводство и виноградарство. Для характеристики хозяйственной жизни в долине По особенно интересен, конечно, первый отдел, из которого явствует, что главной фигурой в сельскохозяйственном мире Цисальпинской Галлии является крупный землевладелец, ведущий свое хозяйство с помощью не только рабов, но и арендаторов, причем эта земельная аренда получила здесь широкое развитие уже задолго до Сазерны, так как к его времени успело выработаться два типа земельных арендаторов: крупный арендатор и мелкий.

Долину р. По принято считать краем, где удержалось мелкое крестьянское землевладение. Посмотрим, дают ли наши источники право для такого заключения.

История Цисальпинской Галлии общеизвестна. По мере того, как гальские племена были побеждаемы и оттесняемы, Рим, в качестве форпостов в этой чужой и враждебной стране, высылал колонии, привлекая охотников земельными наделами, вовсе, однако, небольшими. Вот список, который

можно составить по Ливию, нашему единственному источнику в данном случае, которому тут вполне можно верить, потому что, во-первых, в рас-поряжении его имелись документальные данные, и, во-вторых, у него не было никаких оснований эти данные так или иначе подтасовывать.

190 г. 37, 46, 9-47, 2	Плацентия Кремона	лат. кол.	6 000 семей	
189 г. 37, 57, 7—8	Бонония (земля Боев)	лат. кол.	3 000 семей	пех. 50 юг. вс. 70 юг.
183 г. 39, 55, 5—9	Мутина Парма		2 000 2 000	5 юг. 8 юг.
173 г. 42, 4, 3—4	в долине По производится раздел пустующей земли: по 10 юг. римскому гражданину, по 3 юг. союзникам-латинянам.			

Даже надел в 70 юг. бононских колонистов уже полвека спустя должен был значительно раздробиться: семьи были большие. Густота населения обратила внимание Полибия, путешествовавшего по этим местам приблизительно в половине II в. до н. э.: «о многолюдстве страны... можно судить по самим событиям». (2, 15, 7). Прибавим к этому заявление Сазерны, сохранившееся у Колумеллы. Этот последний, рассуждая о колонах, — мелких арендаторах говорит: «по моему мнению, частая передача аренды — дело плохое, — но еще хуже арендатор из города, который предпочитает обрабатывать землю с помощью рабов, а не своими руками. Сазерна говорил, что такой человек платит обычно вместо денег тяжбой и что поэтому следует приложить старание к тому, чтобы удержать у себя на все время в качестве арендаторов одних и тех же крестьян» (1, 7, 3—4). Малая величина земельных наделов и значительный прирост населения выдвигали необходимость для обезземеленного крестьянства искать средств к жизни. Таким средством оказывается мелкая земельная аренда, о которой Сазерна говорит как о чем-то само собою разумеющемся. То обстоятельство, что крупный землевладелец старается обеспечить арендаторам такие условия, чтобы они длительно оставались у него, свидетельствует о том, что у арендатора была большая свобода выбора. Иными словами, имелось много крупных поместий, где можно было заарендовать кусок земли и осесть, говоря современным языком, в качестве фермера. Эта мелкая земельная аренда во II в. до н. э. в долине По — явление любопытное. В Лации и Кампании — приблизительно в то же самое время — Катон знает только издольщиков, получающих определенную долю урожая за обработку поля. Издольщик называется термином *colitor*, позволяющим предполагать, что в круг его обязанностей входили работы на поле уже после посева. С уборкой хлеба и выплатой ему условленной доли урожая прекращались его отношения с хозяином земли. Мелких арендаторов у Катона нет. В его книге правовые отношения с людьми, которые работали для него и на его земле, очерчены весьма ясно: вспомним договоры со съемщиком оливок, с маслоделом, с тем, кто покупает оливки на дереве и виноград на лозах, со съемщиком зимних лугов, наконец, с издольщиками. Если бы в его хозяйственной орбите была такая фигура, как мелкий земельный арендатор, он не мог бы ее обойти: в данном случае *argumentum esilentio* имеет силу определенно засвидетельствованного факта.

Итак, мы имеем в Цисальпинской Галлии во II в. до н. э. крестьянина-арендатора, сидящего на чужой земле. Перейдем теперь к другой фигуре в сельскохозяйственном мире этого края — к крупному землевладельцу, у которого крестьянин снимает землю.

Сазерна в нескольких местах упоминает сельскохозяйственных рабов. Наличие рабов и мелких арендаторов в одном и том же имении заставляет предполагать, что в руках у одного хозяина находится такая большая земельная площадь, обрабатывать которую одной рабской силой ему невыгодно. Существование крупного землевладения в долине По засвидетельствовано и другой фигурой: крупным арендатором, денежным человеком и спекулянтом, который берет в аренду большой участок земли и обрабатывает его с помощью рабов. Присутствие его в сельскохозяйственном мире весьма показательно: оно говорит, во-первых, о большой доходности сельского хозяйства в этом крае, а во-вторых, о высоких ценах на землю, объясняемых не только выгодностью хозяйства, но и отсутствием большого количества свободных участков: состоятельный горожанин не может сразу приобрести в собственность кусок земли, а вынужден либо выжидать, наживаясь пока что на чужой земле, либо так и оставаться на всю жизнь только арендатором.

Мы лишены возможности определить, хотя бы приблизительно, размеры земельного поместья в долине По, но некоторое представление о внутренней жизни его можем составить, основываясь на одном фрагменте Сазерны, пересказанном Варроном (г. г. I, 16, 4—5).

Варрон, разбирая вопрос о том, какое соседство выгодно для имения, говорит, что хорошо иметь по соседству такие города или деревни или богатые поместья, где можно купить то, что нужно для имения, и куда можно продать избыток имеющегося материала: «например, колья, жерди, тростник. Иногда выгоднее купить, чем заниматься у себя в имении разведением того или иного предмета» (4). Точно так же хозяевам выгоднее иметь соседями врачей, фулонов, плотников, к которым они в течение года могут обращаться с заказами, чем держать у себя в усадьбе собственных: смерть одного такого мастера иногда уносит весь доход с имения. Этот круг обязанностей владельцы больших имений обычно поручают домашней челяди. Если имение далеко от города или от деревни, то они приобретают плотников, чтобы иметь их у себя в усадьбе, а также и прочих необходимых ремесленников, чтобы рабы не уходили с работы в имении и не праздновали бы, разгуливая по будням вместо того, чтобы работать и делать имение доходнее (5). Поэтому в-то книга Сазерны так и советует, чтобы никто не выходил из имения, «кроме вилика, ключника и еще (кого-нибудь) одного по выбору вилика. Если же кто вышел, пусть не уйдет безнаказанно, а если уйдет, то следует взыскать с вилика».

Из имения, которое представляет себе Сазерна, рабу выход запрещен. Попробуем конкретно представить себе, что это значит. В повседневной жизни имения постоянно возникают потребности, нуждающиеся в удовлетворении, иногда немедленном. Обломался лемех; вол рассек себе ногу; у раба нарыв на пальце. Чем больше имение, тем больше таких случайностей. Если рабу заказано выходить из имения и даже просить об отлучке, то это можно понять только в том случае, если все хозяйственные и житейские нужды удовлетворяются тут же в имении. Сазерна имеет в виду именно такое имение с «плотниками и прочими необходимыми ремесленниками».

Когда Варрон, продолжая, пишет: «лучше было посоветовать так: пусть никто не уходит из имения без разрешения вилика...» (*quod potius ita praecipendum fuit, ne quis iniussu vilici exierit*), то совершенно ясно, что перед его умственным взором стоит совершенно иной тип поместья—тот, где «врачи, фулоны и плотники» находятся где-то в другом месте, куда хозяин и посылает за всем, что ему в хозяйстве в смысле ремесленной помощи требуется. Из варроновского текста явствует, что имение Сазерны, и, конечно, те, которые он имел в виду и для которых писал, т. е. иными

словами, привычная для него хозяйственная обстановка, были представлены крупными имениями, всецело себя обслуживающими. Само собой разумеется, что в таких имениях держали всевозможных мастеров не для одного только текущего ремонта: здесь имеются очаги постоянной ремесленной деятельности, рассчитанные, как это можно себе представить и как об этом прямо говорит Варрон, и на соседей, на какую-то округу. В полном согласии с этим стоит и то обстоятельство, засвидетельствованное опять-таки Варроном (г. г. I, 2, 22), что у Сазерны в имении была гончарная мастерская, и он писал об ее оборудовании и эксплуатации (*figilinas quem ad modum exerceri oporteat*).

Если мы обратимся от Сазерны и Цисальпинской Галлии к современной ему Средней Италии, а именно к Кампании и Лациуму, о которых мы кое-что знаем благодаря Катону, то картина перед нами предстанет совершенно иная: в тех сельскохозяйственных кругах, к которым принадлежит Катон и где выработалось правило «хозяин должен быть скор на продажу, а не на покупку» (*Cat. 2,7: patrem familiae vendacem non emacem esse oportet*), покупают даже такие вещи, как одеяла, сшитые из лоскутьев, все железные орудия, упряжь, телеги, черепицу, глиняную посуду и медную, покупают даже корзинки, толстые веревки и молотильные доски. В персонале виноградника и оливкового сада у Катона нет ни одного ремесленника. Такая установка на чисто сельскохозяйственный аспект имения для Италии является, видимо, господствующей: по крайней мере, когда Варрон пишет (г. г. I, 22, 1—2): «нечего покупать те предметы, материал для которых имеется в поместье, и которые могут быть изготовлены дома» (*quae nasci in fundo ac fieri a domesticis poterunt, eorum ne quid ematur*), то из дальнейшего перечня этих предметов—корзинки, плетенки, молотильные доски, колья, грабли, веревки, бечевки, маты—явствует, что он имеет в виду предметы, с изготовлением которых знаком каждый деревенский житель и которые он сделает, не нуждаясь для этого ни в особом оборудовании, ни в особой выучке. Изготовлением всех этих предметов у него занят не особый штат, а те же сельскохозяйственные рабы—только во время, свободное от полевых работ, например, зимой до рассвета или в долгие вечера. Делается все это не на продажу, а только для себя, для своего хозяйства. Остальные же предметы, необходимые в сельскохозяйственном быту, очевидно, покупаются. Колумелла никогда не упоминает о ремесленниках в усадьбе. Между тем, посвятив несколько глав организации имения, он, конечно, хоть в нескольких словах упомянул бы о ремесленниках—рабах или свободных—если бы они представлялись ему необходимыми членами усадьбы.

Итак, мы получаем для II в. до н. э. две совершенно разные хозяйственные картины, которые имеем возможность приурочить к определенной местности: с одной стороны, Центральная Италия, точнее: Лаций и Кампания, с другой—долина По, по всей вероятности, Транспаданская Галлия. Там—имения, если можно так выразиться, чисто аграрного характера, обрабатываемые рабской силой; города с оживленной ремесленной деятельностью, работающие на всю округу; крестьянин-собственник, у которого все отношения с усадьбой исчерпываются тем, что он берет у богатого соседа кусок уже засеянного им поля, пропалывает и мотыжит его, снимает жатву и за это получает определенную плату натурой. Здесь, в долине По, крестьяне—колоны в позднейшем смысле этого слова: мелкие арендаторы, сидящие на помещицкой земле, которая обрабатывается, главным образом, их руками; имение является ремесленным центром для целой округи, заменяющим для нее, до известной степени, город. По сравнению с Италией—совершенно особый мир. Откуда он, и каким образом он сложился? На это можно ответить лишь предположительно, ища ответа,

разумеется, в истории края и в особом характере его хозяйственной жизни.

Долина По с V в. до н. э. была занята галльскими племенами, которые отсюда целиком никогда вытеснены не были. Страбон, путешествовавший по Италии на рубеже нашей эры, говорит, что инсубры (а это племя, по свидетельству Полибия, было самым крупным среди цисальпийских галлов) «существуют и поныне» (Str., 213). Рассказывая об овцеводстве в долине По, он описывает овечью шерсть, которую доставляет этд племя (ib., 218). Если римляне вели здесь с галлами ожесточенные войны, кончавшиеся истреблением или изгнанием целых племен, то не следует забывать, что среди галлов в этой борьбе единодушия не было: имелись племена, вошедшие с Римом в союз и дружбу, например, кеноманы, которые уже по этому самому должны были сохранить свои земли и свое имущество. По свидетельству Ливия, даже от боев была отнята только половина их территории (36, 39). Римские и латинские колонии первоначально представляли собой только крохотные островки среди галльского моря. Когда Полибий говорит, что галльское население было целиком вытеснено из долины По и удержалось только у подножия Альп (2, 35, 4), то это определенное преувеличение. Тот факт, что в 89 г. до н. э. Транспаданской Галлии дано было только латинское право, достаточно свидетельствует, что основная масса населения в этом краю не принадлежала к италийцам. В половине I в. до н. э. Цезарь получил в управление Цисальпийскую и Нарбонскую Галлии, как величины, административно и политически совершенно одинаковые: обакрая—не Италия, а нечто чужеродное. В Этрурию или Умбрию в это время магистрата *cum imperio* не посылали. Все это говорит за то, что даже в I в. до н. э. сенат рассматривал эту область как существенно отличную от остальной Италии. Тем более можно предположить преобладание галльского населения в долине По для II в. Галльские обычаи и порядки не могли здесь сразу исчезнуть и переделаться на чужой лад и строй, принесенный пришлым италийским населением, осевшим где-нибудь в Кремоне или Мутине. Новые пришельцы вряд ли начали с энергичной ломки местных обычаев и упрямого установления своего: такое поведение было вообще не в характере римлян, которые обычно прилаживались к существующим нормам хозяйственной жизни, стремясь их использовать с максимальной для себя выгодой. Ничто не говорит о том, чтобы в Цисальпийской Галлии они действовали иначе. Какую же была та сельская и сельскохозяйственная жизнь, с которой они столкнулись в долине По, окончательно завоеванной и усмирненной уже в первую четверть II в. до н. э.?

Единственным источником нашим, рассказывающим о цисальпийских галлах, является Полибий (2, 179), путешествовавший по этому краю примерно во времена Сазерны. Полибий—наблюдатель внимательный и острый, которому можно верить. Он подметил как черты повседневной жизни, так и особенности экономического и социального быта. Вот как он характеризует его: «больше всего заботятся они о своей дружине, потому что самым грозным и могущественным у них оказывается тот, у кого считается больше всего слуг и свиты». Эти слова целиком совпадают с тем, что рассказывает Цезарь о трансальпийских галлах: «чем богаче и знатнее человек, тем больше вокруг него дружинников и клиентов: единственно в этом для них власть и влияние». Совпадение это чрезвычайно любопытно: мы видим, что общественный строй галльских племен по обе стороны Альп был совершенно одинаковым. Случайно сохранившиеся подробности, рисующие жизненный уклад там и здесь, также совпадают: Полибий пишет о том, что галлы «лежат на соломе и питаются мясом». Посидоний рассказывает: «Кельты располагаются за едой, подостлав под себя сено... едой

им служит хлеб в малом количестве и мясо в большом». Общеизвестен рассказ Цезаря о лосях и охоте за ними (b. g. 6, 27). Откинув фантастическую анатомию этих животных, мы получаем любопытный и, несомненно, достоверный рассказ о способе охоты на них, заключающийся в том, что животных убивали, подрубив деревья в лесу таким образом, что оставалась только видимость, будто они стоят». Совершенно таким же образом в 216 г. до н. э. бои уничтожили в долине По войско консула Постумия (Лив., 23—24). Мы имеем полное основание считать, что галлы из долины По и из Галлии по ту сторону Альп и по быту и по социальному укладу между собой не разнятся. Об этом нам придется еще вспомнить в дальнейшем, а сейчас попробуем себе представить, какие экономические отношения являются базой для создания тех общественных отношений, о которых повествуют Полибий и Цезарь.

Наличие в государстве могущественных фигур, окруженных целой толпой зависимых людей¹, когда притом земледелие является основным мирным занятием населения («они ничем не занимаются, кроме войны и земледелия»), заставляет предполагать совершенно определенный земельный режим. В руках одного человека должны быть сосредоточены большие земельные пространства, обеспечивающие жизнь ему и его дружине. Кто работает на этой земле? Рабы? Да, конечно, но, кроме них, еще и те люди из простонародья, которые «будучи отягощены долгами, большими податями или несправедливостями людей сильных, отдают себя на службу знати, пользующейся по отношению к ним всеми теми же правами, что и над рабом». Их работа давала галльскому воину-аристократу возможность выходить на войну с большой дружиной и в мирное время устраивать пиршества вроде описанных Посидонием. Нет никаких оснований думать, что явлению, подмеченному Цезарем в Галлии, не было места в долине По: если в обеих странах, населенных одинаковыми племенами, имеется богатая землевладельческая аристократия, окруженная большой дружиной; если на эту аристократию в одной стране работает бедный и угнетенный народ, то совершенно неизбежно признать существование таких же нищих и зависимых от богатого собственника землевладельцев и в другой. Земли «грозных и могущественных» галлов в долине По обрабатывали такие же «угнетенные долгами, податями и несправедливостями сильных» люди, как и трансальпийские их братья.

Мы можем представить себе и внутреннюю жизнь такого поместья, используя для этого данные раскопок, произведенных в современной Франции на местах старых галльских поселений; ряд совпадений в экономической, бытовой и социальной структуре Трансальпийской и Цисальпийской Галлии дает на это полное право. Мы видим как раз то большое, самообслуживающееся имение, о котором рассказывает Сазерна. «Сельскохозяйственная жизнь Галлии,—пишет один из лучших знатоков галльской старины, Альберт Гренье,—сосредоточена в поместьи, где группами или в одиночку, вероятно, в зависимости от местных условий, живут колонны землевладельца. В принципе имение представляет собой единицу самодовлеющую: у него есть свои леса, поля, покосы, посевы, фруктовые сады, виноградники, луга для скота, свои мастерские, своя кузница, иногда своя гончарная или литейная»². Именно такую самодовлеющую единицу имеет в виду и Сазерна, описывая имения, где живут всевозможные ремесленники, обслуживающие его; где есть своя горшечная мастерская и откуда

¹ Цезарь приводит целую галерею таких людей из разных галльских племен: гелвет Оргерориг, эдуй Думнориг, арверн Верцингеториг.

² A. Grenier, *La Gaule Romaine*, в кн.: T. Frank. *An economic survey of ancient Rome*. Vol. III, стр. 496—497.

рабам запрещено выходить потому, что все хозяйственные и бытовые потребности находят себе удовлетворение в самом имении.

С приходом римлян многое, конечно, изменилось в жизни галльской аристократии. Одна сторона ее деятельности—война— была вычеркнута; оставалась только другая: земледелие. Цезарь, покорив Галлию, ни в чем не изменил существовавших там земельных отношений, и мы ничего не слышим о таких изменениях, произведенных римлянами в долине По. А priori они мало вероятны: римляне обычно не ломали экономического быта покоренной страны, а приспособлялись к нему и приспособляли его в своих выгодах. Часть земли они отобрали, некоторые имения конфисковали, но те из галлов, кто был с ними в мире и пошел даже на союз и дружбу,—вспомним целое племя кеноманов,—те продолжали жить и хозяйничать так же, как и раньше. Прежняя дружина превратилась в земледельцев, осевших, вероятно, на земле своего старого предводителя. Крестьянское население продолжало жить и работать на земле богатого вождя, как оно работало и раньше. Римляне, утвердившись в долине По, нашли здесь уже вполне сложившийся уклад земельных отношений и приняли его. С установлением прочного мира сюда хлынули волны пришельцев, привлекаемых плодородием края. Такой крупный землевладелец, как Сазерна, был разумеется, фигурой не единичной и не исключительной. Страна латинизировалась: прежним хозяевам было не под силу тягаться с расчетливым дельцом-италийцем,—галльские имения, как правило, переходили в цепкие и ловкие руки пришельцев. Усевшись в таком имении, новый хозяин и не думал менять его структуру: она хорошо соответствовала характеру местной жизни—широким просторам края, небольшому в те времена числу городов, привычкам местного населения. Новое входило постепенно, влетаясь в старое, мирно уживаясь с ним и его не разрушая. Рядом с большим имением появились мелкие участки новых переселенцев; наехали люди, наживавшиеся от земли,—таков был крупный земельный арендатор—фигура, совершенно неизвестная старинному галльскому обществу. Существенно изменилось положение мелкого земельного арендатора: прочный мир и уничтожение политического значения галльской знати начисто зачеркивали права хозяина «почти так же, как над рабом», над человеком из народа. Галльское крестьянство, постепенно сливаясь с италийскими колонистами, образovalo тот класс людей, в работе которых так заинтересован Сазерна и которые имеют полную свободу передвижения и выбора имения, в котором им захочется осесть.

Итак, на рубеже I в. до н. э. в долине По открывается перед нами довольно неожиданное зрелище: мы видим крупное поместье, обрабатываемое в какой-то части своей мелким арендатором: поместье это образует самостоятельный мирок, целиком удовлетворяющий свои потребности и обслуживающий ремесленной деятельностью окружающее население. Долина По, совершенно подчиненная и замкнутая в начале первых десятилетий II в. до н. э., к концу этого столетия сохраняет в неприкосновенности типичную структуру галльского имения.

Всмотримся теперь ближе в полевое и виноградное хозяйство Сазерны.

Колумелла, высчитывая число рабочей силы, пишет: «Поле в 200 югеров можно обработать, имея две пары волов, двоих пахарей и шесть рабочих,—если, однако, на этом поле нет посадок. Если же это виноградник (где лозы выются по деревьям), то Сазерна уверяет, что этот самый участок можно превосходно возделывать, прибавив еще троих человек. Из этого расчета следует, что одной пары волов достаточно, чтобы вспахать участок под 125 модиев пшеницы (25 юг.) и такой же величины для бобовых—всего озимый посев выразится в 250 модиях,—потом еще посеют 75 модиев ярового (15 юг.)...»

Определить, хотя бы приблизительно, основываясь на этих словах, размеры поместья Сазерны, мы не в состоянии, но мы можем положительно утверждать, что полевое хозяйство занимало в краю видное место. Вычитывая количество рабочей силы, Сазерна говорит о полевом участке в 200 югеров: брал ли он эту цифру как пример, имел ли в виду собственный полевой клин—в обоих случаях широкий размах полевого хозяйства в долине По по сравнению с Лацием или Кампанией того же времени сразу бросается в глаза. Вспомним, что Катон о полевом хозяйстве упоминает совсем мимоходом, причем значительная часть полевых работ у него вообще сброшена со счета—этим занимаются издольщики. Варрон говорит о «целых имениях» в Сабинии, площадь которых равнялась 200 югерам (3, 2, 15). В долине По мы имеем эту же цифру только для куска земли, отведенного под посев одних зерновых культур: центурия—участок в 100 юг.—разделена на четыре клина: один, в 25 юг.,—засеян пшеницей, другой—такой же величины—бобовыми; третий—почти вдвое меньший, в 15 юг.—находился под яровыми; четвертый, 35 юг.,—лежит год паром. И вот тут видна италийская рука. Четырехполье было обычной системой полевого хозяйства древней Италии, введение которой диктовалось широким распространением бобовых, столь любимых в Италии. Любопытно, что Полибий, перечисляя очень подробно полевые культуры Цисальпинской Галлии, вовсе не упоминает бобовых—может быть, это свидетельствует о том, что в его время они не получили еще широкого распространения, будучи только вводимы новыми поселенцами.

К сожалению, более определенных сведений по этому поводу мы не имеем.

Зато мы можем определить, если позволено будет так выразиться, классовую физиономию некоторых полевых злаков. Полибий отмечает в долине По исключительное количество проса в разных его сортах (2, 15, 2). То же замечает впоследствии и Страбон (с. 218). Колумелла по поводу этого растения пишет: «во многих местностях крестьяне (колоны) живут этой пищей»: из пшена готовится хлеб, который, «пока он не остыл, можно есть с удовольствием», и «каша, которая, если ее есть с молоком, тоже не возбуждает отвращения» (2, 9, 17 и 19). Перед нами явно крестьянская еда. Мы видели уже, что Сазерна засеивает у себя самый большой участок пшеницей: хлеб богатого землевладельца в долине По—это хлеб пшеничный.

Любопытно наличие комбинированных культур. Сазерна мыслит две возможности использования своего примерного участка в 200 юг.: он может быть хлебным полем и только; может представлять сочетание хлебной нивы и того вида виноградника, где лозы вьются по деревьям. И здесь опять-таки видна хозяйственная рука италийца. Вспомним, что у Катона мы как раз присутствуем при том, как поле покрывается ямами, куда хозяин по весне будет сажать вязы—явно для будущих лоз,—смоковницы и маслины (*de agricultura*, 27). У Варрона мы прочтем о соединении фруктового сада с огородами и посевами (г. г. 1. 23. 6).

Переходим к виноградному хозяйству.

Сазерна был превосходным знатоком виноградарства. Он уделял внимание и виноградарской технике, а некоторые его наставления, например, совет сажать виноградный чубук без костылька, вспомнили и признали правильными сельскохозяйственные писатели I в. н. э. (*Col. III*, 17, 3—4). Вполне с ним согласились и современные виноградари. Самым замечательным, однако, была та резкая оппозиция, в которую стал Сазерна по отношению к местным виноградарским обычаям. Долина По изобилвала вином,—Страбон рассказывает, что винные бочки были там величиной с дом (218) и обычным способом разводить там виноградники было сажать

лозы около деревьев, преимущественно вязов, обрезать эти деревья соответствующим образом, заставляя ветви образовывать как бы несколько этажей и затем пускать лозу виться по этому дереву. Такие виноградники назывались *arbustum*. Сазерна осудил такое устройство виноградника, (Pl., N. H. 17, 199)—опять-таки, надо сказать, в полном согласии с принципами современного виноградарства, которое, как и он, считает, что лозы надо подвязывать к кольям. Почему пришел он к выводам современной виноградарской науки, утверждающей, что хорошее вино можно получать только с лоз, вьющихся по шпалерам, но отнюдь не с тех, которые насажены возле деревьев? К сожалению, мы знаем только один голый факт: никто из наших источников—ни Колумелла, ни Плиний—ничего не говорят о причинах, вызвавших у Сазерны осуждение *arbusti*. Мы можем предполагать только наличие большого запаса сравнительных наблюдений, произведенных Сазерной над виноградниками, где лозы рассаживались по деревьям (*arbustum*), и где их подвязывали к кольям и шпалерам (*vinea*),—наблюдений, позволивших ему притти к его заключению, шедшему совершенно в разрез с местной практикой. Одно можно сказать определенно: не страх перед большими издержками заставил Сазерну осудить *arbustum*: этот тип виноградника требует как раз меньших затрат и меньше работы, чем *vinea*. Очевидно, он не принадлежал к тем хозяйствам, которые, по ядовитому замечанию Колумеллы, первым доходом считают отсутствие трат (4, 3, 3), и эта черта еще дополняет его облик разумного и рачительного хозяина.

Итак, подведем итоги:

1. В отрывках Сазерны, до нас дошедших, содержится материал для истории земельных отношений в Цисальпинской Галлии во второй половине II в. до н. э., которого мы не имеем ни у кого из других писателей.
2. Страна эта в указанный период сохраняет, как можно думать, земельный уклад, характерный для Галлии: крупное самодовлеющее поместье, обрабатываемое мелкими свободными арендаторами—колонами.
3. Наличие такого земельного уклада объясняется сохранением земельных отношений, типичных для социального и экономического быта Галлии.
4. Римляне, покорив долину По, не разрушили этого уклада, переделывая только на свой—италийский—лад агрономические принципы ведения хозяйства.

